

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

СОВЕТСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

I

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1940 ЛЕНИНГРАД

А. К. БОРОВКОВ

АЛИШЕР НАВОИ

(к 500-летию со дня рождения)

Творчество великих писателей и ученых прошлого входит в золотой фонд советской культуры. Советская страна ценит таланты, бережно отбирает все лучшее и прогрессивное из культурного наследия народов Советского Союза. К числу великих писателей прошлого, которыми по праву гордится наша страна, принадлежит и узбекский писатель Низам-эд-дин Алишер, с поэтическим прозвищем Навои.¹

Алишер Навои родился в Герате 9 февраля 1441 г. и умер 3 января 1501 г.² По своему происхождению Алишер Навои принадлежал к тимуридской служилой аристократии: отец его Гияс-ад-дин Кичкине при тимуриде Абу-л-Касиме Бабуре был правителем города Себзеваара. Биографы Алишера Навои утверждают, что он был школьным товарищем тимурида Султан-Хусейна, правителя Хорасана и известного поэта, при дворе которого Алишер провел большую часть своей жизни. Знаменитый современник Алишера Навои, султан Захир-ад-дин Бабур, писал о нем, что в первый период своей деятельности при дворе Султан-Хусейна он был мухрдаром — хранителем печати, в средний период был беком и несколько раз правителем в Астрабаде, а в последний период отказался от административной деятельности, ничего не получал от мирзы Султан-Хусейна и, напротив, сам ежегодно подносил мирзе дорогие подарки.³

Распространенная легенда о том что Алишер Навои тяготился административными обязанностями, при первой возможности отошел от политической жизни и вел жизнь отшельника, опровергнута новейшими исследованиями.⁴ Он стоял в центре политической жизни страны и был виднейшим сановником при Султан-Хусейне.

После смерти Тимура огромная империя этого завоевателя распалась на уделы. При жизни Алишера Навои продолжалась ожесточенная борьба за власть между потомками Тимура. Когда умер младший сын Тимура, Шахрух, из-за начавшейся смуты отец Алишера Навои принужден был бежать с семьей из Хорасана в Иран, после чего он поступил на службу

¹ Нет нужды входить в обсуждение вопроса о национальной принадлежности Алишера Навои, которого пытаются выдать подчас за «тюрка вообще». Исторически именно узбекский народ является преемником культурного наследия Алишера Навои.

² Дата рождения установлена А. А. Семеновым, см. «Литература и искусство Узбекистана», кн. 2 (Ташкент, 1938, стр. 124).

³ The Babar-nama, ed. Beveridge. GMS, I, London, 1905, стр. 171.

⁴ В. В. Бартольд. Мир-Али-Шир и политическая жизнь. Сб. «Мир-Али-Шир», Л., 1928, стр. 100 и сл.

к султану Абу-л-Касиму Бабуру, при котором находился и юный Алишер Навои до смерти султана. Когда власть в Хорасане захватил султан Абу-Са'ид, Алишер Навои продолжал прерванное образование сначала в Мешхеде, затем в Герате и, наконец, в Самарканде, куда он был сослан новым правителем Хорасана Абу-Са'идом.¹ В 1468 г. Абу-Са'ид погиб и власть перешла к Султан-Хусейну. Алишер Навои вернулся в Герат и оставался здесь до конца своей жизни.

Герат времени Навои был культурным центром для всей Средней Азии. В блестящей столице Тимура и его внука Улугбека — Самарканде — в этот период фактически правил духовный феодал — шейх дервишского ордена накшбендиев Ходжа Ахрар, ярый враг образования и культуры. В Герате же были сосредоточены выдающиеся ученые и поэты. «Другого такого города, как Герат, нет во всем населенном мире», — писал восторженно Захир-ад-дин Бабур в своих мемуарах. В Герате, по словам того же Бабура, каждый, кто занимался каким-либо делом, старался довести его до совершенства. В глазах гератцев того времени Самарканд был городом, чуждым культуре. Историк Абд-ар-раззак рассказывает, например, что поэт Ариф преподнес известному шейх-уль-исламу Бурхан-ад-дину, уезжавшему из Герата в Самарканд, стихи и рекомендовал взять их с собой, ибо «такого рода сладости трудно найти в Самарканде и Бухаре».²

Центральными фигурами культурного Герата были Алишер Навои и знаменитый персидский поэт, историк, философ и филолог Абд-ар-рахман Джами. Вокруг Алишера Навои, образованнейшего человека своего времени в Средней Азии, группировались поэты, историки, художники, архитекторы и каллиграфы. Круг интересов самого Алишера Навои был очень широк. Как истинный просветитель, он одинаково близко интересовался развитием литературы, исторической науки, живописи и музыки. «Были при нем, — писал Захир-ад-дин Бабур, — хорошие художники и музыканты. Не было известно, чтобы когда-либо появлялись такие покровители и воспитатели людей науки и искусства, как Алишер-бек. Устад (мастер) Кул-Мухаммед, флейтист Шейхи и виртуоз на лютне Хусейн, которые были совершенны в музыке, достигли большого прогресса и известности с помощью бека (Алишера Навои). Устад Бехзад и Шах-Музаффар стараниями бека получили такую же славу и известность в живописи».³

Известный историк Мирхонд, автор многотомной всеобщей истории «Раузат-ас-Сафа» («Сад чистоты»), рассказывает, что Алишер Навои специально обратил внимание на то, чтобы он писал историю без излишних прикрас, не обременяя метафорами и аллегориями и не выписывая слов из чужих сочинений, чтобы в изложении соблюдалась ясность и чтобы автор держался середины между излишней подробностью и крайней краткостью. Эти замечания делают честь Алишеру Навои особенно в связи с тем, что в его эпоху принято было писать цветисто и туманно. В своих отношениях к окружающим поэтам Алишер Навои был в высокой степени тактичен. Даже в своей оценке поэта Бенаи, с которым он после ссоры был в явно недружелюбных отношениях, Навои, в первую очередь, отметил талантливость этого неуравновешенного поэта.

Еще при жизни Алишер Навои пользовался славой как первый поэт и ученый своего времени. Современник его, первоклассный поэт Захир-ад-дин Бабур, выделял «Хамсэ» («Пятерицу») и стихотворные диваны Навои:

¹ Так говорит Бабур; сам Алишер Навои писал, что он отправился в Самарканд учиться. — B e l i n. Notice biographique sur Mir Ali-Chir Néval. JA, V série, t. XVII, 1861, стр. 184. — Ср.: В. В. Бартольд. Мир-Али-Шир, сб. «Мир-Али-Шир», стр. 125.

² В. В. Бартольд. Улугбек и его время. Пгр., 1918, стр. 141.

³ The Babar-nama, ed. Beveridge, стр. 171a.

«Он (Алишер Навои) составлял стихи на тюркском языке. Никто столь много и хорошо не писал, как он. Составил он шесть книг месневи. Пять из них составляют ответ на „Хамсэ“, а одно, написанное размером „мантик ат-тайр“, ¹ называется „Лисан-ат-тайр“ („Язык птиц“). Составил он четыре дивана газелей под названием „Достопримечательности детства“, „Редкости юношества“, „Чудеса возмужалости“ и „Плоды старости“. Есть у него и хорошие рубаи, имеются и другие сочинения, которые в сравнении с упомянутыми ниже и слабее (*pastraq va sustraq*)».²

К более слабым сочинениям Навои Бабур отнес Муншаат — письмовник, составленный из переделок писем Джами, сочинение по просодии *Mizan-al-avzan*, и персидские стихи. Бабур не преминул отметить тут же ряд хороших сочинений Навои по музыке. Другой биограф Навои, Давлатшах, также ставил на первое место «Хамсэ» и четыре тюркских дивана.

Популярность Алишера Навои не померкла в Средней Азии и за ее пределами и после его смерти. Рукописи сочинений Навои переписывались и распространялись очень широко; с появлением литографий начали появляться и литографированные издания его сочинений. Интерес к творчеству Навои вызвал появление целого ряда словарей в Иране и в Турции, составленных преимущественно по его сочинениям.

Нельзя пройти мимо европейской критики творчества Алишера Навои. В середине прошлого столетия французский ориенталист, секретарь и переводчик французского консульства в Константинополе М. Белен и русский ориенталист, магистрант С.-Петербургского университета М. Никитский, независимо друг от друга, дали высокую оценку творчеству Алишера Навои. В последнее время французский ориенталист Е. Блошэ и, прежде него, известный русский историк Востока акад. В. В. Бартольд неожиданно низвели Алишера-Навои в разряд лишенных всякой оригинальности подражателей и переводчиков.

В своем отзыве о сочинениях Навои Блошэ писал, что они «не блещут воображением, не светят священным огнем вдохновения божественного искусства, а всегда ограничиваются пассивным подражанием великим поэтам, имена коих были прославлены в анналах персидской литературы».³

Столь же сурово звучит приговор В. В. Бартольда: «При Тамерлане и его потомках, — писал он в 1917 г., — были сделаны попытки создать поэзию на турецком языке, в подражание персидской; один из поэтов этой плеяды, Мир-Али-Шир, сделался любимым поэтом образованного класса турецких народностей от Тобольска до Константинополя. . . Однако поэзия Мир-Али-Шира была только подражательной; Мир-Али-Шир старался доказать, что турецкий язык ничем не хуже персидского, и для этой цели писал на турецком языке произведения вроде тех, какие были известны ему в персидской литературе, иногда под теми же заглавиями».⁴

Отзывы эти вызваны отнюдь не только тем, что «исследователям была известна зависимость Навои от персидских поэтов, но, в какой форме она выражалась, ими установлено не было».⁵ Это справедливо только отчасти, существо же дела заключается в том, что отзывы эти являются выражением архибуржуазной идеологической посылки о полной зависимости тюркских народностей от чуждых культур и влияний. Ради этого «тюркская культура вообще» противопоставлялась «иранской культуре вообще», независимо от реальных исторических условий.

¹ Известная поэма Ферид-ад-дина Атгара.

² Op. cit., стр. 170b.

³ Les enluminures des manuscrits orientaux turcs, arabes, persans de la Bibliothèque Nationale par Ed. Blochet. Paris, 1926, стр. 95.

⁴ В. В. Бартольд. Из прошлого турок. Отд. оттиск, Пгр., 1917, стр. 10—11.

⁵ Е. Э. Бертельс. Неваи и Атгар. Сб. «Мир-Али-Шир», Л., 1928, стр. 27.

Неоспоримо то, что при Тимуре и тимуридах, в рамках обширнейшего государства, культура Средней Азии представляла собой синтез культурного наследия саманидской эпохи и культурных достижений отдельных «мусульманских областей» Хорезма, Хорасана и Мавераннахра; неоспоримо также, что господствующей идеологией в эпоху Навои была религиозная идеология, в религиозной оболочке протекала классовая борьба и в литературе, что не могло, разумеется, не найти отражения и в творчестве Алишера Навои. Для Алишера Навои мерилom служила та большая литература, которая была создана в Средней Азии на арабском и персидском языках — господствовавших литературных языках той эпохи.

Однако Алишер Навои далеко не был подражателем даже в тех случаях, когда он выступал с уже известными в литературе популярными сюжетами. В своем подражании «Хамсе» («Пятерице») великого азербайджанского поэта Низами (1141—1203) Алишер Навои, особенно в своих стихотворных романах «Фархад и Шарин» и «Лейли и Меджнун», использовал лишь популярные сюжеты. Алишер Навои был далеко не единственным поэтом, возвратившимся к этим сюжетам. Как в средневековой Европе повесть о Тристане и Изольде была известна во многих стихотворенных и прозаических переделках, так и арабская повесть о любви Меджнуна и Лейли на Востоке была излюбленной поэтической темой и много раз обрабатывалась. Такой же популярностью пользовалась и повесть о Хосров Парвизе и Ширин.

Под пером Алишера Навои роман «Фархад и Ширин» приобрел совершенно новый облик. Алишер Навои создал по существу новое произведение с новым содержанием, новыми драматическими положениями и образами Фархада, Хосрова и Ширин. Поразительна народность этого произведения Навои; оно перекликается с народным творчеством, и не случайно поэтому — ряд народных легенд о Фархаде и Ширин так близок к его стихотворному роману. Этим объясняется и большой успех новой, современной узбекской музыкальной пьесы «Фархад и Ширин», написанной по одноименному роману Навои.

Кроме своих стихотворных диванов, «Хамсе» и «Лисан-ат-тайр» («Язык птиц»),¹ Алишер Навои оставил большое число других стихотворных и прозаических произведений, из которых наибольшей популярностью и признанием пользуются его Маджалис-ан-нафаис («Изящные собрания»), Махбуб-ал-лулуб («Возлюбленная сердец»), Мухакамат-ал-лугатайн («Спор двух языков») и упоминавшееся уже сочинение по просодии Мизан-ал-авзан.²

В восьми частях «Изящных собраний» (у Белена «Galerie des poètes») Алишер собрал ценнейшие сведения о поэтах предшественниках и современниках с выдержками из их сочинений, благодаря чему сохранились данные о так называемой чагатайской литературе XV в. и о многих поэтах, сочинения которых не дошли до нас. Отрывки из введения и седьмой части «Изящных собраний» помещены были Беленом в его статье о Навои.³

Во многих отношениях замечательна книга Алишера Навои «Возлюбленная сердец», построенная в том же плане, как и знаменитый «Гюлистан» Са'ди. В первой части «Возлюбленной сердец» идут рассуждения о сановниках, духовенстве, купцах, медресе, ремесленниках, крестьянах

¹ Об этом сочинении в сопоставлении с источником см.: Е. Э. Бертельс, *op. cit.*, стр. 24 и сл.

² Точное число сочинений Али-Шира Навои и их названия не установлены окончательно. В различных источниках перечисляются от 19 до 27 его сочинений. Ср. список и указание на литературу в статье А. А. Ромаскевича «Новый чагатайско-персидский словарь» (сб. «Мир-Али-Шир», стр. 88—89).

³ Notice biographique et littéraire sur Mir Ali-Chir Névai. JA, V série, t. XVII, 1861, стр. 239—242; 247—256.

и т. д., во второй части о похвальных и дурных свойствах, в третьей собраны поучительные рассказы и афоризмы. Афоризмы Алишера Навои проникнуты глубокой мудростью. Приведем некоторые из них: «Украшением для мужа является мудрость и знание»; «Изучающий науку, но не претворяющий ее на деле, подобен выкопавшему кяриз, но не посеявшему семян, или посеявшему семена, но не получившему пользы от урожая»; «Знай, что тот кто приготовился говорить о вине народа, готовится открыть свою вину»; «Имущество, — это то, из чего народ получает долю; если же и враг пользуется им, то (следовательно) равны яд и целебный напиток»; «Не доставляй другу печального известия, заверяя, что оно истинно»; «Если кто-либо ошибается, не бей его в лицо»; «Правдивое слово авторитетно, хорошее слово кратко»; «Всяк, говорящий ложь, устыдится, как только его ложь обнаружится»; «Много болтающий — надоедлив, повторяющий одно и то же — сумасшедший».

Уже выражалось сожаление, что это сочинение Алишера Навои не переведено; более или менее подробные данные о нем сообщаются единственно в статье упоминавшегося уже Белена.¹

Наибольшей известностью пользуется «Спор о двух языках» Алишера Навои. В «споре» Алишер Навои выступил против писателей, умалявших значение писателей и поэтов, которые писали на среднеазиатско-тюркском языке. Указывая на сочинения своих соотечественников, он выступает в защиту родного языка и его достоинств как литературного языка. Навои отдает должное поэтам-соотечественникам и из всех среднеазиатских поэтов XV в. выделяет Лутфи. «Со времени Хулагу, — заявляет Навои, — и благополучнейшего Тимура и до конца жизни его достойного сына Шах-руха появлялись поэты, которые писали по-тюркски, (в том числе) и султаны из их детей и потомков с поэтическим дарованием. Это — поэты, подобные Секкаки, Хайдеру Хорезми, Атаи, Якыни, Эмири и Гадаи. Но не было никого, кого можно было поставить рядом с персидскими поэтами, кроме одного Маулана Лутфи, у которого есть ряд стихов достойных, чтобы прочесть их перед людьми с поэтическим вкусом».²

В эпоху Навои господствующими литературными языками были арабский и персидский. Он одним из первых горячо выступил в защиту родного языка. Он стремился, может быть, несколько наивно с точки зрения современной языковедной науки, доказать превосходство родного языка перед персидским ссылаясь на словарное богатство, многообразие и гибкость грамматических форм родного языка. Предпочтение персидскому языку оказывалось, по мнению Навои, в силу его легкости.

В этом полемическом сочинении уже престарелого писателя справедливо видели выступление патриота. «Али-Шир Навои, — писал его европейский биограф Белен, — положил начало патриотизму, прибегнув к национальному языку „тюрки“ (т. е. среднеазиатско-тюркскому языку, — А. Б.), неоспоримо и неопровержимо утвердив его».³

Алишер Навои по праву может быть назван основоположником литературного языка, который лег в основу развития узбекского литературного языка.

Подлинно научному и всестороннему изучению творчества Алишера Навои положит начало предстоящий в 1941 г. юбилей пятисотлетия со дня рождения этого великого узбекского писателя.

¹ *Moralistes orientaux. Caractères, maximes et pensées de Mir Ali Chir Névaï par M. Belin.* JA, VI série, tt. VII, VIII, Paris, 1866.

² Muhakamat-al-luqatajn, по изд. Катрмера, стр. 32.

³ Notice biographique sur Mir Ali-Chir Névaï. JA, V série, t. XVII, стр. 222.

А. К. БОРОВКОВ

ЦЕННЫЙ ИСТОЧНИК ДЛЯ ИСТОРИИ УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА

История узбекского языка — дисциплина новая. Эту новую дисциплину вызвал к жизни интерес к культуре возрожденного после Великой Октябрьской социалистической революции узбекского народа. До образования Узбекской ССР речь шла о „среднеазиатско-тюркском“ или „чагатайском“ языке — по связи с историческим названием среднеазиатского монгольского удела преемников сына Чингиз-хана — Чагатая. Самый аспект изучения истории языка был иной. В конце XIX в. были дешифрованы древние тюркские орхонско-енисейские надписи. До этого известные по памятникам письменности языки древне-уйгурский и чагатайский признавались языками наиболее старой письменной традиции. Интерес к ним был обусловлен общими сравнительно-историческими соображениями. Когда усилиями В. Томсена и В. В. Радлова были дешифрованы орхонско-енисейские памятники тюркской письменности VII—VIII вв., в них стали искать „языковые“ исходные данные для сравнительно-исторического изучения тюркских языков и утрачен был в значительной мере интерес к „чагатайскому“ языку.

Для того чтобы понять процесс образования и развития узбекского литературного языка в связи с данными живого языка, современных народных говоров, необходимо исходить из конкретных исторических условий. Не все материалы для истории узбекского языка приведены в известность: только немногие памятники изданы, еще меньше изучено в лингвистическом отношении.

Среди сравнительно немногочисленных памятников узбекского языка раннего периода первостепенное значение приобретает любопытный во всех отношениях образец среднеазиатского перевода корана и комментариев к нему. Этот толковник (тефсир) найден был в 1914 г. в г. Карши, рукопись хранится ныне в Институте востоковедения АН СССР.

Необычный, вообще, факт перевода корана объясняется тем, что сразу после арабского завоевания новая религия распространялась в Средней Азии на местных языках.¹ В период монгольского нашествия деятельность буддийских миссионеров сильно поколебала позиции мусульманства, и духовенство одобрило переводы корана на местные языки — персидский и тюркские. Сохранился ряд подобных переводов XIV—XV вв.² Значение таких переводов для истории языка нельзя переоценить, самый характер буквальных „подстрочных“ переводов приближает их к двуязычным словарям, а обширные толкования в нашем тефсире и несомненная связь с живой речью своего времени еще более увеличивает ценность заключенных в нем языковых материалов.

¹ В. В. Бартольд. Ислам. Общий очерк. П., 1918, стр. 77.

² Ср. заметку Deny в „Journal Asiatique“ (janvier-mars, 1926, стр. 185—187); J. Schacht. Zwei osmanische Koran Kommentare. Orientalistische Literaturzeitung, 1927, стр. 747 и сл.

Автор тефсира не известен, не известно и время появления списка. По первому впечатлению „язык этого толкования показался... старее, чем язык старой редакции Рабгузи“.¹ С другой стороны, язык тефсира признавался „смешанным северно-южно-турецким, очень архаичным языком, причем северно-турецкие элементы в словарном отношении отчасти архаичнее, чем в «Кутадгу-билиге»“.²

Акад. В. В. Бартольд, характеризуя культурно-историческое значение этого среднеазиатского толковника, изложил также свои догадки и о его языке. Наиболее существенны следующие замечания В. В. Бартольда: 1) чем ближе к концу сочинения, тем чаще автор (тефсира) переходит с тюркского на персидский язык, который был, повиdimому, его родным языком; 2) язык тефсира отнюдь не однороден. В смысле 'пророк', кроме *жалавач*, употребительны слова *расул*, *па замбар*, *елчи* (-елчи). К сравнительно позднему времени принадлежит персидское *мирзайда*. Все это заставляет предполагать, что данная рукопись принадлежит, примерно, ко времени тимуридов, язык первоначального сочинения отчасти модернизирован.³

Таковы имеющиеся данные о языке интересующего нас памятника. Отдельные словарные элементы привлекал из тефсира С. Е. Малов.⁴

По всем признакам язык нашего тефсира приближается, как отмечалось уже, к языку „Кысас ал-анбия“ Рабгузи и примыкающих к этому сочинению XIV в. памятников более раннего периода, в том числе дидактической поэмы XI в. „Кутадгу-билиг“. На это указывают, прежде всего, фонетические и орфографические особенности. Язык тефсира относится к *δ*-языку, — в интервокальной позиции и в ауслауге после гласного следует *δ* (з) вместо *j*: *адбир* 'жеребец', *кюддкй* 'жених', 'зять', *удаб* 'бодрствующий', *адак* 'нога', *коддлар* 'оставили', *иддмиз* 'послали мы', *куди* 'вниз', *кабдулк* 'опечаленный', *адкй* 'добрый', 'хороший', *адрилди* 'отделился', 'удалился', *кедин* 'после', *иди* 'владыка', 'хозяин', 'бог', *киддрлар кидмлари* (л. 3, 10) 'одевают свои одежды' и т. д.

Однако *δ* в указанных позициях далеко не регулярен, много случаев *δ || j*: *којди* (л. 38, 27) 'оставил', *ајақлари* (л. 69, 1) 'ноги их', *iji* (л. 39⁶, 4) 'хозяин', *акй* (л. 128⁶, 8) 'хороший', *ајруллар* (л. 89⁶, 7) 'отделились', *кијаси* (л. 73⁶, 5) 'одеяние', *кијди* (л. 73⁶, 5) 'одел', *ујкудин ујаниб* (л. 68, 7) 'пробудившись от сна', *кабдулк* (л. 65⁶, 5) 'опечаленный', *кајбурди* (л. 55, 1) 'опечалился', *идлар* (л. 47, 6) 'послали' и т. д.

Вопрос о произношении *δ* неясен. В тефсире, как и в различных списках Рабгузи, равно, напр., в „Равнак ул-ислам“, наряду с *δ || j* встречаются иногда случаи *δ || з*, напр.: *будун* (146, 22), *бузун* (7, 9), *коддлар* (146, 10) 'оставили' и *козса* (109⁶, 4) 'если ты оставишь' и т. д.

В. Томсен и В. В. Радлов предполагали, что в определенных условиях *д* в орхонско-енисейских надписях произносилось как палатализованные *δ'* или *д'*, откуда эволюция *д' > δ' > j* в разных тюркских языках. П. М. Мелиоранский высказывался в том смысле, что у Рабгузи *δ* означал зубной „на конце корней“ глухой согласный, но не межзубный, а скорее пала-

¹ Зап. Вост. отд. ИРАО, XXIII, вып. III—IV, П., 1916, стр. 249.

² Азиатский музей Росс. Академии Наук, 1818—1918. Краткая памятка. П., 1920, стр. 41. — Th. Menzel. Das heutige Russland und die Orientalistik, II. Der Islam, XVII. 1928, стр. 78.

³ W. Barthold. Ein Denkmal aus der Zeit der Verbreitung des Islams in Mittelasien. Asia Major, II, Fasc., I, 1925, стр. 125—127.

⁴ С. Е. Малов. Мусульманские сказания о пророках. ЗКВ, V, Л., 1930, стр. 523. — Он же. Уйгурские рукописные документы экспедиции С. Ф. Ольденбурга. Зап. ИВ АН СССР, I, Л., 1932, стр. 149.

тальный, оглушавшийся рядом с глухими согласными.¹ У Махмуда Кашгарского наряду с *idīsh* (III 96, 2) 'посуда', 'чаша' или *қудуш* (I 313, 8) 'колодец', *бадрам* (I 221, 16) < перс. *бајрам*, т. е. как и по другим древним памятникам, в общем, три ряда корреспонденций: $\delta \parallel \delta$ (*m*); $\delta \parallel \delta$ (*z*); $\delta \parallel \delta \parallel j$.

Думается, что здесь сыграла роль древне-уйгурская орфография, перенесенная вместе с арабской письменностью на почву языка, в котором не было в отмеченных выше случаях чередований $\delta \parallel \delta \parallel i$ ни δ , ни δ , а только *j*. Во всяком случае для переписчиков тефсира δ был орфографическим анахронизмом, напр., всегда *boj* 'рост', 'ста' обычнее *бззжк*, а не *бүдүк* 'большой', и т. д.

Другой перевод корана в Ташкенте² также принадлежит к группе памятников δ -языка: *а́джү* (4⁶) 'добрый', *иди* (5^a) 'хозяин', *қодуб* (5⁶) 'оставив' и т. д., причем язык этого перевода подновлен еще в большей мере.

Другой орфографической особенностью нашего тефсира является наличие *ф* в ясном значении *w: ew* (ایف) 'дом' (5⁶, 7), *суw* (سف) 'вода' (6, 7), *аша* (آفا) 'на охоту' (27⁶, 18), *јаwлақ* (یغلاق) 'очень' (55, 1), *јаwуз* (یغوز) 'злой', *јаwлаwач* (یلافچ) 'посланник' и т. д.³ По этому признаку орфография тефсира приближается к орфографии ташкентского (= наманганского) списка „Кутадгу-билиг“, в отличие от каирского, где обычно *w* (ذ).

Колебания вроде *аҗач* (59, 12) и *јаҗач* (66⁶, 16) 'дерево', *иссікіндін...* *иссіклікіндін* (38⁶, 16) 'от жары, тепла', и *исіс* (135, 6) 'теплый' или *елчі* и *елчіү* (111⁶, 14) 'посол', *јарі* и *јару* (98, 8) 'помощь', *толі* и *толу* (106⁶, 18) 'наполненный' и т. д. отражают диалектальные особенности. Впрочем, *y \parallel i* в *јүндәкіл* и *індәді* (65⁶, 5) 'вызови' и 'позвал' могут указывать на этимологическую краткость обоих гласных. В африксах обычно *y \parallel i*, при известном преобладании *y*: *сәјүжк* (11⁶, 12) 'кости мои', *қолумузқа* (62, 6) 'в наши руки', *ешитдім* (63⁶, 10) 'я слышал', *ајладум* (71⁶, 16) 'я сказал', *јаратдум* (12, 2) 'я создал' и т. д. Эта фонетическая черта прослеживается в более поздних памятниках и в современных узбекских говорах самаркандско-бухарского круга.

Принципиальное значение имеют случаи отступления от сингармонистического правописания, напр., *мәккәл'к* (143, 30) и *мәккәліс* (143⁶, 5) 'мекканец' и т. д., если иметь в виду аналогичные отступления по ташкентскому списку „Кутадгу-билиг“, напр.: *орнікә... бурнікә* (17, 11), по каирск., соответственно, *орнінкә... бурнінкә*, ташк.: *тапзінкә* (45, 15) и т. д.⁴

Случаи „чекания“, т. е. *j \parallel ч*, восходят в тефсире, видимо, к различным диалектальным источникам, напр.: *јөрәсіндә* (48⁶, 9) и *чөрәсіндә* (43, 6) 'вокруг'; ср. совр. уйг. *чөрү* 'окружность', 'край' (Радлов, III, 2041), тур. *чешре* 'круг', 'округ', *чешресінде* 'вокруг', чагат. *чәшрә* 'приблизженные' (Радлов, III, 2000), в „Китаби-Коркуд“: *аҗ қојунлар кәлјүб чөрәсіндә јатдизі суw* 'о, вода, вокруг которой располагаются белые бараны',⁵ у Махмуда Кашгарского огузское *јүрә ringsum*,⁶ так же *јүз ашурсәј* (42⁶, 3) 'если

¹ П. М. Мелиоранский. Памятник в честь Кюль-Тегина. ЗВО, XII, вып. II, и III, СПб, 1899, стр. 53—58. Он же. Араб-филолог о турецком языке. СПб, 1900, стр. XXXII.

² Ркп Института восточных рукописей Акад. Наук Узб. ССР, № 2003.

³ Ср.: П. М. Мелиоранский. Араб-филолог, стр. XXI.

⁴ С. Е. Малов. Из третьей рукописи Кутадгу-билиг. Изв. АН СССР, ОГН, 1929, стр. 738.

⁵ В. Бартольд. Китаби-Коркуд, III. ЗВО, XII, 040, 11.

⁶ С. Brockelmann. Mitteltürk. Wortschatz. Budapest-Leipzig, 1923, стр. 100.

отвратишь лицо и *jǝz čäwursä* (42^б, 6) 'если отвратит лицо' и т. д.; ср. тур. *jǝz çewürmek* 'отвратить лицо, презирать' (Радлов, III, 1999).

В поздней уйгурской редакции легенды об Огуз-хане ряд случаев *j || č*: *yol || čol*; *yumsa || čumsa*; *yil || čil*; *yangʻaq || čangʻaq* и т. д., при известной условности *č || dž*.¹

Выше было указано, что язык нашего тефсира произвел впечатление смешанного языка. Это впечатление создают, в частности, и некоторые другие фонетические черты. При обычных *ɟ*, *z*, после конечных узких гласных, напр.: *qamuɟ* (49^б, 6) 'весь, все' *qapuɟ* (132, 18) 'дверь', *toluɟ* (64^б, 1) 'полный', *uluɟ* (132, 18) 'великий', *qatıɟ* (39, 19) 'крепкий', 'твердый', *açıɟ* (67, 9) 'горький' и т. д., часты случаи отсутствия конечных *ɟ*, *z*, напр. *bu hısarıñ iki uluɟ qapucı bar erdi* (132, 17) 'у этой крепости было двое огромных ворот', *qamucını... nafaqā qıldı* (136^б, 4) 'все истратил на пропитание', *qamuɟ tıjrıɟ* (66^б, 13), *köl tıjrıɟ* (39, 6) и *öküsh tıjrıɟ* (66^б, 7) 'разный', *ulucı birlä alurлар erdi* (127, 7) 'большими (из них, весов) брали', *jǝz elı* (108^б, 5) '150' и т. д.

Наличие конечных *ɟ* и *z* после узких гласных есть черта, присущая языку орхонских надписей, памятникам караханидской эпохи, языку Рабгузи и более поздних среднеазиатских памятников. Отсутствие конечных *ɟ* и *z* является, в данном случае, особенностью языков „огузской“ группы. С другой стороны, в нашем тефсире обычны случаи чередования конечных *ɟ || к*. Это явление объяснялось влиянием одного из старых, но неизвестных языков, предполагалось, карлукского, однако это объяснение остается беспочвенным, пока у нас нет никаких к тому данных.

Также различного диалектального происхождения случаи чередования *т || д* в начальной и интервокальной позиции, напр. *дабан* (111^б, 5) 'ступня'; *тудақ* (134^б, 22) 'губы', *дәндјк біз сіздің* (84, 8) 'отреклись мы от вас', *дәлј* (57, 6) 'одержимый' (مَجْنُونٌ), ср. *tälü verrükt* (γuzz.);² *тәкјл* (140, 3) *дәкјл* (71, 6) 'не' (отрицание), *тіріклјкні* и *дірілдікдін соғ* (96^б, 9) 'после оживления', *шам* (6^б, 5) и *дам* (38^б, 12) 'стена', *тјрлј* *тјрлј* (66, 8) и *һәр дјрлі* (122^б, 4) 'разнообразный', *таріғ* (39^б, 1) и *даріғ* (3^б, 2) 'посев', *ардінда* (112, 9) 'позади', *өдәр ерді* (91, 8) 'выполнял', *қадырлар* (43, 4) 'вернутся' и т. д.

Конечные глухие *к*, *г* именных основ перед следующими суффиксальными гласными чаще остаются неизменными, напр., *топрақі* (144, 10) 'земля его', *јазуқі* (133^б, 7) 'грех его', *соруқі* (103, 2) 'спрашивание его', *узунлуқі* (132^б, 12) 'длина его', *қилдуқім* (70, 3) 'делание мое' и т. д. В таком же роде аффикс прилагательных обычно -*қі*; напр., *соңқі* (70, 3) 'задний', 'последний', *авақі* (32, 5) 'первый', *қолдақі* (140^б, 15) 'находящийся в руке', *арасіндіқі* (30, 14) 'находящийся посередине' и т. д. Эта особенность отличает также язык „Кутаду-билиг“, напр., по ташкентскому списку: *јазқі* (17, 10) 'летний'; *тумиуқі* (18, 10) 'нос (клюв) его' и т. д., и Рабгузи.³ В отличие от языка Рабгузи, по известным спискам его сочинения, аффикс дательного-направительного падежа, независимо от конечного звука основы, т. е. и после глухих, и после звонких согласных, и после конечных гласных, преимущественно, как это имеет место, в частности, и в каирской и ташкентской (=наманганской) рукописях „Кутаду-билиг“,

¹ W. Bang und G. R. Rachmati. Die Legende von Oghuz Qaghan. Berlin, 1932, Index, стр. 37.

² С. Brockelmann, ук. соч., стр. 202, *дәлј*. — П. М. Мелиоранский. — Араб-филолог, стр. 092.

³ П. М. Мелиоранский. Араб-филолог, стр. XXVIII.

с глухим -к, напр., *jazıka* (28⁶, 7) 'в поле', *qaznaqa* (28⁶, 21) 'в казну', *musaqa* (31, 29) 'Моисею', *darjaqa* (31⁶, 2) 'в реку', *qolumuzaqa* (62, 6) 'в наши руки', *anlarqa* (21⁶, 6) 'им', *farmanımqa* (23⁶, 7) 'моему приказанию', *misrqa* (28⁶, 27) 'в Египет' и т. д. Иногда: *jazısa* (38, 20), *musaqa* (28⁶, 21), *julduza* (38, 21) и т. п.

Язык нашего тефсира характеризует, так же как и язык Рабгузи и более ранних памятников, так называемое „вставочное н“, т. е. этимологически пока неясное *н* при локативных падежах после поссесивного суффикса 3-го л., напр., *tıjbınkä* (29, 11) 'до дна', *ičindä* (26⁶, 27) 'внутри', *sözindin* (146, 29) 'от слов его' и т. д.¹ Литературный язык в эпоху Навои и в последующее время не знает этой особенности.

Лексика тефсира еще в большей мере характеризует его разнообразие диалектальные источники и дает большой материал для определения эпохи этого памятника.

Ограничимся небольшим количеством примеров:²

сў 'войско', напр.: *far'un sıjını kördilär... ajdılar far'un sıjı* *birla bizkä jettı teb* (31, 27) 'увидели войско фараона... сказали: „фараон с войском настиг нас“'. Слово это известно в древне-орхонской письменности и в древне-уйгурском (RW, IV, 794; BG, 41; MW, 187). В нашем тефсире *sıj* довольно редко, чаще *черік* (BG, 18, MW, 53; III, 1967); из инд. (санскр.) *kişatrik* 'воин' (W. Radloff, *Tiśastvustik*. BB. XII. 1910, стр. 62), а в одном случае поясняется персидским *lāshkāř*; *far'un черік атбарді, екінч кўн фар'un sıjı бірлә...* (31, 25) 'фараон снарядил в поход войско, на второй день фараон с войском... *sıjı бірла ja'ni lāshkāři бірлә* (22⁶, 10) 'со своим войском, т. е. с войском своим' и т. д. **оқдул** 'хвала'. Слово **оқті** или **оқді** 'хвала' засвидетельствовано в древне-уйгурском, в „Кутадгу-билиг“ и в других памятниках (RW, I, 1184; MW, 132, ср. *ögdilig* BG, 31), но в нашем тефсире эта форма **оқдўл** встречается, кажется, впервые: *оқдўл* (129⁶, 19) 'восхваленный' (ар. *المجید*),

тақі аңа турур оқдўл (92, 11) 'также хвала ему', перевод ар. *وَلَهُ الْحَمْدُ*. Имеется и причастная форма *оқдўлмиш* (92⁶, 4) 'похвальный, достойный похвалы' (ар. *حَسْبِي*). Аллегорическое имя, олицетворение разума в „Кутадгу-билиг“, именно, *Оқдўлмиш*, этимологически ближе соответствует *оқдўл + miш* 'der Gelobte' (RW, I, 1186).

байза, байса, пайза, 'верительная дощечка'. Слово распространенное в монгольскую эпоху из кит. *пай-цзы* 'знак'. В тефсире встречается в тексте пояснений к суре 19, где говорится о жителях Иерусалима — служителях культа, 'освобожденных от (податей) переписчи' (*muħarrip ja'ni jazukdin azad*) посредством „байсы“: *бу муħarripilıknı anlar bajza jarlıg-din tutdılar* (17, 4) 'это освобождение они получили через байсу и ярлык'. Выражение *bajza jarlıglıg tarhanlıg* 'тарханство, подтвержденное пайзой и ярлыком,

¹ J. Schinkewitsch. *Rabguzis Syntax*. Mitteilungen des Seminars für Orient. Sprache, II Abteilung, Westasiat. Studien, Berlin, 1926, стр. 151.

² Ссылки на литературу и источники даны далее в сокращениях: АТ — П. М. Мелиоранский. Араб-филолог о тюркском языке. СПб., 1900; АТ II — С. Е. Малов. Ибн-Муханна о тюркском языке. Зап. Колл. Восток., III, вып. II, Л., 1929, стр. 221—248; BG — W. Bang und von Gabain. *Analitischer Index zu den fünf ersten Stücken der türkischen Turfan-Texte*. Berlin, 1931; МА — Замахшари. Мукаддимат ал-адаб, Ркп Инст. Восток. АН СССР, № 291. MW — C. Brockelmann. *Mitteltürkischen Wortschatz nach Mahmud Al-Kasıaris. Divan lugat at-Turk*. Budapest-Leipzig, 1928. Pör — П. Мелиоранский. Сказание о пророке Салихе (Из Кысасы-ль-Әнбия Рабгузи). Сб. статей учеников проф. В. Р. Розена. СПб., 1897, стр. 279—303; Pör II — С. Е. Малов. Мусульманские сказания о пророках по Рабгузи. ЗВК, V, Л., 1930, стр. 507—525; RW — W. Radloff. *Versuch eines Wörterbuches der türk-dialekte I—IV. 1893—1911*; Ujg. — F. W. K. Müller I—III. Berlin, 1908—1911.

встречается в ярлыке XIV в. Тохтамыша и Тимур-Кутлуга (ИАН, 1926, стр. 1118).

Здесь же в тексте пояснений к суре 19 встречаются обычные для ярлыков термины *нишан* и *белгү*, в смысле 'свидетельство', 'подтверждение', 'знамение': *зікріја ајді... мәңә нишан керәк теб...* (XIX) 'Зикрия ска-зал... мне нужно подтверждение'; *сәниң оғлуңи кішіләрқә бәлгү нишан қилмақ һуджәт қилмақ тиләр* (XIX) 'сына твоего желает дабы людям делать свидетельство, доводы' и т. д. (ИАН, 1926, 1111).

Термины эти характеризуют эпоху XIII—XIV вв. и должны быть учтены для датировки тефсира.

кәлә 'речь', 'просьба' (?): *кәлә қилчрман 'попрошу', ешиткәј ушитмаһ ичиндә јашуә кәләчи јалған сөз бір біріндин* (123, 7) 'услышат в раю зло-язычные вранье друг от друга' (= араб. لَا يَسْمَعُونَ فِيهَا لَغْوًا وَلَا كِدًّا إِبْرَ.), *сорди кәлмәйчә ајтди ајтсил нә һаджати бар теди* (143, 25) 'спросил просителя, сказал: „говори, какая имеется нужда (у тебя)“' и т. д.

У Махмуда Кашгарского *кәләчу* 'речь', слово гузское, (MW, 103), откуда *киличэй* в русских документах монгольской эпохи. Встречается еще в турецких текстах XIV—XV вв. и в среднеазиатском памятнике XV в. — "Тазкирэ-и-авлия".

челебі 'господин', 'хозяин'. По поводу культурно-исторического значе-ния этого слова существует специальная литература.¹ Впервые для Сред-ней Азии *челебі* встречается в нашем тефсире² в указанном выше значе-нии, напр., *аниң бір қарақули бар ерди ајтди ја челебим, сә ә нә болди* (65⁶, 5) 'у него был раб, сказал он, о, господин мой, что с тобой?', *челеби үчүн бәндәсин, бәндә үчүн челебисин* (60⁶, 9) 'за господина раба, за раба господина (пытают)' и т. д. (RW III, 1978, Будагов, I, 484). В одном слу-чае синонимом *челеби* служит перс. *ходжа*: *қарабаші ајди, ја ходжа* (27⁶, 22) 'рабыня (служанка) сказала, о господин мой' и т. д.

қрім (= *қірім*) 'ров'. Напр.: *хејлі-хашім і қа фарманладі бір улүк қрім* (قریم) *қаздурди* (129⁶, 9) 'множеству приказал, заставил выкопать огромный ров'. Значение несомненно, поскольку слово это встречается в пояснениях к суре 85, в рассказе о „владыках рва“ (اصحاب الاعداد), где и уточняется: *ухдуд теміші ол қрімнің оті турур* (129⁶, 17) 'назва-ние ров (أخدود) есть огонь того рва'.

Происхождение названия „Крым“, появившегося в XIII в., полагалось неизвестным,³ догадку, что „Крым“ из тюркского *кырым* 'ров', откуда украинско-польский перевод этого слова 'Перекоп', можно считать уста-новленной.⁴

кәндү 'сам'. Напр., *өз-кәндү јікрәк билур* (29⁶, 15) 'сам (он) лучше знает' (RW II, 1081; MW 104; BG 23); наряду с этим часто *әт-өз*, напр.: *бір әт-өз ариң әт* (6, 10) 'сам (по-себе) чистое существо'; *әт-өз* очень употребительное слово в будд.-уйгурских текстах (AT II, 225).

ечі (= *ичи*) 'дядя по отцу'. Напр., *ја уммим-ја ечим* (27⁶, 14) 'о, дядя'; слово это известно по древне-орхонской письменности и древне-уйгурским памятникам (W. Barthold. Ein Denkmal, стр. 126; BG, 20; W. Radloff. Uig. Sprachdenkm, стр. 226).

¹ ЗВО, V, стр. 306. — ЗВО, XI, стр. 307—312. — ЗВО, XX, стр. 99 сл. — Enz. des Islam, I, 866.

² W. Barthold. Ein Denkmal aus der Zeit der verbreitung des Islams in Mittela-sien. Asia Major, vol II, Fasc. I, 1925, стр. 126.

³ W. Barthold. Krim. Enz. des Islam, II, 1927, стр. 1162.

⁴ А. Крымский. История Турции и ее литературы, I. М., 1916, стр. 173.

бачиғ 'свидетельство', 'показание'. Напр., *бачиғ ја'ни шаҳадат* (16, 1) — MW *başuğ* 'Vertrag' (стр. 28).

самақ 'исчисление'. Напр. '*самақ анларқд самақ*' (16, 5) — перевод араб. *وَعَدَهُمْ عَسَى*

ура 'столб', 'колонна'. Напр., *тамі барусі устуні алтіні ураларі барчи таи бірлә турпир* (39, 28) 'стены, башни, колонны, — все из камня'; *ша'ристан бина қилділар... ураларіні джумлә зәбәрджәдін бирјзә бірла қилділар* (132⁶, 14) 'построили шахристан... колонны его все из топаза и бирюзы сделали' и т. д. По МА *اوراک = ستون* (л. 52⁶), в современном хивинском узбекском говоре *ура* 'столб'.

адінә 'пятница'; *адінә кјн* (51⁶, 13), *адінә тјн* (48⁶, 3), МА *адінә кјн*, *бір адінә* 'неделя' (л. 10^а) туркм. *анна* < перс. *آدینه* 'пятница'.

рупіја (= *руфја*), перс. *روپيه* 'рупия'. Напр.: *бірісіні јјз рјфја алтунға сатар* (136⁶, 2) 'одного продают за сто рупий золота'. Это наиболее раннее упоминание рупии в Средней Азии. Еще упомянуты в тефсире (л. 116⁶) динары и дирхемы.

кәбүг 'лавка'. Напр.: *өтмәкчи кәбүтінкә барді јрмақ чіқарді берді* (XVIII) 'отправился в лавку хлебника, вынул деньги, дал' и т. д. Слово *кәбін* 'лавка' (> русск. *кибитка*) известно по Махмуду Кашгарскому (MW 101) и по 'Кутадгу-билиг' (RW II, 1197).

Большое количество слов совпадает с лексикой „Кысас ал-анбия“ Рабгузи, например, повторяются все, выделенные по Рбг II (стр. 522—525); большой ряд совпадений также со словарем Замахшари (МА). Но уже из приведенных примеров можно составить представление о лексическом составе тефсира и известной хронологической перспективе в словаре этого памятника.

О смешанном „скрещенном“ характере языка тефсира и невыработанности терминологии свидетельствуют также многочисленные случаи употребления слов различного происхождения в одном значении.

1. В значении 'город': *ел, улус, кәнд, (=кәнт), шәһәр*. Напр.: *јунан елічдә бір ел ерді ақсус атлғ... ақсус кәнді ічіндә...* (XVIII) 'в стране греков был город именуемый Аксус... в городе Аксус...'; *бір кәнд улус өзә* (37, 1) 'на один город' (=араб. *عَلَى قَرْيَةٍ*); *бір улусға тек-діләр ол улуснің башинда тјшділәр ол улусдақі оғланлар улус ташинға чікміш ерділәр ојнајур ерділәр* (XVIII) 'дошли до одного города, остановились в начале того города; юноши того города вышли за город, играли'; *кәнд ічіндә* (7, 2) 'в городе' (араб. *فِي الْمَدِينَةِ*); *кәнтләріні діру зәбәр қилді* (61, 9) 'города их разрушил'; *шәһәр еллеріндін* (94⁶, 5) 'из их городов' (=араб. *مِنْ قَرْيَةٍ*) и т. д.

В „Кутадгу-билиг“ в одном случае *ел кјн* (KB, 26, 13) 'город', как и по ташкентскому списку (44, 9), по каирскому списку, соответственно, *ел кәнд*. Замахшари *бір еллік* переводит *һәмшәһри* 'согорожанин' и *бір кәндлік* как *һәм деһи* (МА, 5⁶) 'односельчанин'. Но в его же монгольском словаре „Мукадимат ал-адаб“ (М.—Л., 1928) *кент* (слово сакско-согдийского происхождения) всегда переводится *balγasun* 'город'. BG *känt* 'Stadt' (стр. 23); MW *känd* 'Stadt' (стр. 104).

2. 'Раб', 'слуга': *қарақул, қулам* (63⁶, 5), *бәнд, бәнда, қул кјн* (31⁶, 31). Напр.: *азад тедјкі абу-бекр ал-сіддік ерді ва бәнд тедукі біләл һабаш ерді* (73⁶, 2) 'свободным именуемый был Абу-Бекр и рабом именуемый был негр Биалль'; ср. *küng* (BG 27; RW II 1428; MW 117). Наряду *қарабаш кәнізәк* (5, 6) и *әрікләндік* 'рабыня', 'служанка', напр.: *әрікләндікі*

(اركاندكى) *ja'ni қарабаши* (107, 12) 'служанка его, т. е. рабыня', ср. (АТ II, 227).

3. 'Бедный', 'бедняк': *жоқсул, жоқсуз, чиғаж, қариб* (29⁶, 31) *міскін, дервіш* (104⁶, 15). Напр. *бір жоқсулні бір бағса асмаірлар ерді ол буларға табуғ қилур ерді* (47, 6) 'бедного делали слугой (?) богатого и он служил им'; *жоқсуз бај қилді* (137, 15) 'бедного сделал богатым' (RW, III, 408; W. Radloff, Kuap-si-im Pusar, B. B. XIV, 1911, стр. 42); *ол кім кемі ерді бір чиғаж заіфні* (1⁶, 7) 'это была лодка бедняка' (RW, III 2062; MW 54; BG 19).

4. 'Брат': *қадаш; қардаш; қаріндаш*. Напр.: *һарун мәнім қадашим* (20, 6) 'Гарун мой брат', *ані қадаши* (14, 7) 'его брат' (= араб. أَخَا); *сізлінің қабуғиңға текді ерсә қіріб қадашимға тўшајін теб сақинді* (26⁶, 17) 'достиг он дверей (дома) сестры своей и подумал: зайду-ка я к сестре своей'; *еј һарунниң тiшi қадаши* (13, 1) 'о, сестра Гаруна' и т. д. Иногда *қадаш* в смысле 'родственников': *қорқитғил қадашларіңні јақ јашуқіңні* (28, 30) 'устраши своих родных и близких', как в „Кутадгу-билиг“: *қадаш јат јашуққа јарінлiқ ұла* (KB, 55, 3; RW II 316), по ташкентскому списку этот стих: *қадашқа јақінқа јашуқлуқ ұла* и т. д. BG *qadaš* 'Verwandter' (стр. 34); RW (II 316) 'друг', 'товарищ'; W. Radloff, Uig. Sprachdenkm (стр. 277) *қадаш* 'клант'; *бір біріңіз қаоіндашлар турур* (46⁶, 9) 'вы братья один другому'; *атам қардаши* (47, 2) 'брат моего отца, дядя' и т. д.¹

5. В значении 'рука': *елк* (40⁶, 8), *елік* (29, 23), *ел* (86, 4) *қол* (38, 27). Напр.: *ікі ел турур ікі ајақ турур* (106⁶, 10) 'две руки и две ноги'; *қолі тә булі јуғун болур* (67, 3) 'руки и ноги их толстые бывают' и т. д. (RW, I, 815; MW 20; BG 10; Radloff, Uig. Sprachd. стр. 264; RW, I, 806; RW, II, 583).

6. 'Хозяин', 'владыка', 'господин': *иді, іјі (ijä), ічі* (= ечі), *әјä* (ایا) *ходжа, челебі*. Напр.: *иді јарлігілiн* (4⁶, 6) 'по приказу владыки'; *ол еш іјäсі* (143, 28) 'хозяин того дома'; *јерні қој іјісінкә асбәрләді* (39⁶, 4) 'землю передал хозяину овец'; *іјісі* (ایسی) *ја'ні ечісі* (ایچیسى) 'владелец его (т. е. хозяин)' (= араб. صاحب); *јүк әјäläрі* (94, 6) 'хозяева грузов'; *улуғлуқ әјäсі* (83, 13) 'владыка величия', ср. по „Китаби-Коркуд“: *тә еј ал дудағим әјäсі* (ایاسى) 'увы, властитель моих алых губ'² и т. д.; *ешдін ходжа чікді* (XV III) 'из дома вышел хозяин' и т. д. (RW, I, 1507; MW, 64; РбГ II, 509, I; MW, 64; BG, 20; С. Е. Малов. Из третьей рукописи Кутадгу-билиг, ИАН, 1929, стр. 747).

7. 'Низ', 'под': *алт, аст*, напр.: *јернiң алтiнда* (99, 6) 'под землей'; *ақар ані алтiдiн аріқлар* (3, 8) 'текут снизу их арыки'; ср. *сәні алтiн ја'ні арқа* (12⁶, 7) 'твой зад (т. е. спина)'; *ікі дабан астi кәбі* (111⁶, 5) 'как две ступни' и т. д. RW, I, 400; MW *altyn* 'unter' (стр. 8).

8. 'Сторона': *јан, сіңар*: *оң јан сол јан* (1⁶, 10) 'правая сторона, левая сторона'; *оң сіңар... сол сіңар* (1⁶, 6) 'правая сторона, левая сторона' и т. д. (MW, 179).

9. Часто *оң* и *сағ* 'правый'. Напр., *оң јан сол јан* (1⁶, 10) 'правая сторона, левая сторона', *сағ јандiн тақi сол јандiн* (50, 16) и т. д. МА *сағліз, соллуғ* (л. 5⁶). Так же часто *јақiн* и *јашуқ* 'близкий', 'близко', напр. *әджәлім јашуқ болді* (145, 2) и *әджәлім јақiн болді* (145, 8) 'мой смертный час приблизился' и т. д.

10. Интересно употребление глаголов в смысле 'делать': *јап* = RW (III, 260); MW 'bauen' (74): *қил-, ет-,* напр. *јiнджудiн білурдiн тамларі јапті-*

¹ Ср.: С. Е. Малов. Новые памятники с турецкими рунами. Сб. „Язык и мышление“, VI—VII, стр. 263, 268.

² В. Бартольд. Китаби-Коркуд, IV. ЗВО, XV, стр. 823.

лар алтун кўмішдін мајданлар қілділар (132⁶, 14) 'из жемчуга и хрустала построили стены, из золота и серебра сделали площадки (полы)', бйдрйк дам јаптурді (38⁶, 12) 'заставил построить большие стены'; аш етміш ерді (146, 9) 'приготовил пищу' и т. д.

Разумеется, не может быть одного объяснения для всех случаев лексического разнообразия, отмеченного в тефсире. Литературная традиция, исправления переписчиков, местная диалектальная среда — все должно быть принято во внимание; так, напр., и в современных узбекских говорах существуют оғ и сағ 'правый', јақин и јошук 'близкий' и др. ¹ Есть какая-то разница в словаре первой и второй части (от суры 48 до конца) тефсира, например, в первой части обычно кәнд, во второй — шәһәр 'город', в первой части қадаш, во второй — қаричдиш 'брат' и др.

В. В. Бартольд предположил, что родным языком автора нашего тефсира был персидский. В этой связи большой интерес представляют иранизмы в тефсире. Во второй части тефсира сплошь и рядом встречаются параллельные переводы: (136, 12) и т. д. Часто тюркская фраза поясняется по-персидски (лл. 65⁶, 12; 82, 16 и т. д.) или арабский текст толкуется только по-персидски (лл. 76, 17; 77, 3; 80, 6; 83⁶ и т. д.). Этим вопрос о родном языке автора все же не решается, иранизмы могли быть обусловлены и двуязычием переписчика и подлинником толковника.

Морфологические особенности нашего тефсира также сближают его с языком „Кысас ал-анбия“ Рабгузи и памятников более раннего периода, „Кутадгу-билиг“, в частности. Наиболее характерные морфологические особенности языка тефсира, вкратце, можно свести к следующим ниже.

Числительные порядковые на -ич: јичинч, төртінч, бешінч алтінч, јетінч (133⁶, 2), сәкізінч (2⁶, 2), јікірмі төртінч, јікірмі тоқснч (139, 17) и т. д., иногда -ичі, јичинчі (138, 17) и т. д.

Направительный падеж на -ру не только в случае табару, напр.: барча мәнім табару чікі јаар (146, 23) 'выходите ко мне', елкіні от табару елтти (29⁶, 3) 'руки свои протянул по направлению к огню' и т. д.; наряду таба: тағ табасічка чік ді (146, 22) 'вышли к горе' и т. д.

Во второй части тефсира употребительна редкая в древне-орхонской письменности форма дательного падежа на -ича, напр.: егіндә барді (65⁶, 5) 'отправился в свой дом', бір падиша бар ерді бір кјн wazir-іча ајтді (65⁶, 4) 'был падишах, однажды (он) сказал своему визирю' и т. д.¹

Преобладает прошедшее причастие на -миш, напр. ішләмиш іш (47⁶, 2) 'содянное дело', болмиш ерді (136, 3) 'стал' и т. д. Причастие на ған (-gān) редко, напр. ешиткән білән турур (44⁶, 4) 'есть слушающий и знающий' и т. п. Вместе с тем, иногда явно 'юго-западная' или 'огузская' форма причастия прошедшего, напр.: аніз јерінкә баран суw јіндуw болур wә өзгә јердә баран јағмур андаоғ суw болур (65, 6) 'идущая туда вода жемчугом становится, и в другое место идущий дождь тут же становится водою (рекою)' и т. д.

Встречается часто и причастие на -дуқ (-dūq) и производные от него формы: wә манат тедјікі тақі бір бут турур (59⁶, 5) 'и есть еще идол, именуемый Манат'; көрдјікні хабар берді (41⁶, 16) 'поведал о виденном', һеч јашузулуқ қалмадуқ болғай (140⁶, 17) 'да не останется никакого зла' и т. д.²

Есть форма на -дачі,³ напр. јердәкіләр һәләк болдачі (65, 11) 'нахо-

¹ Ср.: С. Е. Малов. Таласские эпиграфические памятники. М.—Л., 1936, стр. 22.

² AT, I, LXXI. — С. Brockelmann. Mahmud al-Kasghari's Darstellung des türkischen Verbalbans. Keleti szemle, XVIII, Budapest, 1918, стр. 34.

³ Там же, стр. 31.

дящиеся на земле погибнут', *кйч қілдачі* (32, 1) 'жестокий', 'тиран', *јара-тачі* (3⁶, 8) 'творящий', 'творец' и т. д.

Причастие будущего двойного рода на *-бусі* и *-асі*; по определению Махмуда Кашгарского, первая из этих форм „тюркская“ (= восточная, караханидская, кашгарская), вторая огузская (юго-западная).¹ Значение той и другой формы в тефсире одинаково, напр., *шй нй кйм јер озра болдачі турур һәләк болбусі турур* (65, 11) 'и всяк, кто пребывает на земле, погибнет', *нй кйм болмйш тақі нй кйм боласі турур* (133, 3) 'кто кем был, и кто кем будет', *біз сәніз бірлә тоқушасміз јоқ* (143, 16) 'мы не намеревались с тобой воевать' и т. д.

В силе отрицательное деепричастие на *-мадін*, напр., *мән атам сөзін тутмадін кемйә кирмадін сушқә барқа болдум* (31⁶, 25) 'за непослушание отца (не слушая отца) я, не входя на корабль, утонул в воде' и т. д.²

Также жива старая форма отрицания возможности деествия на *-ума*, напр. *фарманіча хілаф қіламаз ај* (146⁶, 3) 'дабы не смогли воспротивиться его приказу' (АТ, I, LXII—LXIII, АТ, II, 222).

Особый интерес представляет древняя форма 1-го л. мн. ч. прошедшего времени на *-діміз*, более регулярная, нежели встречающаяся форма на *-дук* (*-дйч*), напр., *хілаф қілмадіміз* (23⁶, 2) 'мы не противоречили', *біз ешитдіміз* (146, 20) 'мы слышали' и т. д. (АТ, II, 223).

Обращает на себя внимание и форма 1-го л. мн. ч. настоящего-будущего времени на *-уз*, так напоминающая, наряду с предшествующей формой на *-діміз*, аналогичные явления в современном узбекском ташкентском (и в каршинском) говоре, напр. *біз қачан олауз топрақ болауз* (70, 1) 'мы когда умрем (и) станем прахом', *ані қілауз қалла рәсідә тақтмича ікәйз* (70⁶, 4) 'сделаем это, когда зерно выйдет, посеем', *біз тақі сәніз бірлә істауз қанча кйм сәч барсаз бірлә барауз* (137, 8) 'и мы ищем быть с тобой, если ты пойдешь, мы пойдем с тобой' и т. д. Эта форма настоящего-будущего глагола является разновидностью „западной“ формы (ср. тур. *јапаріз*, туркм. *јазјас*, *јазјаріз*; в „Китаби-Коркуд“ III, 038, 14: IV, 3, 8 и т. д.), представленной в тефсире с причастием будущим, напр.: *ані сізму бітјірјісіз ја бізму бітјірјісіз* (171, 7) 'вы ли возвращаете то, или мы возвращаем', *біз ані... білмәуз мәйәр аніз 'аһраті бірлә бірлә шәуз* (139⁶, 12) 'мы не будем его знать, только объединимся с его женой' и т. д. Наличие и соответствующая форма предикативного местоимения 1-го л. мн. ч. на *-уз*, напр.: *біз фалачдін јікрәкјіз* (141, 11) 'мы лучше такого-то' и т. д. Таким образом форма на *-уз* образуется или от деепричастия на *-а*: *қілауз*, или от причастия будущего на *-р* (= с отрицанием *-з*): *бітјірјіріз*, *білмәјіз* и т. д.

Таковы весьма и весьма краткие данные о языке нашего тефсира. Для истории узбекского, а также туркменского языка этот ценный источник представляет большой интерес. В процессе формирования литературного языка в домонгольскую и монгольскую эпохи сталкивались различные языковые традиции и местные диалектальные влияния. Между тем у нас, в конечном счете, не так много памятников, восходящих к XI—XIV вв., да и эти последние переписывались, большей частью, значительно позднее.

Наш тефсир по всем данным также является списком XIV или первой половины XV в., но сохраняет ряд архаических черт, которые и дадут возможность ближе подойти к оценке языковых явлений XI—XIV вв.

¹ C. Brockelmann. Mahmud al-Kasghari über die Sprachen und die Stämme der Türken im II. Jahrb. Körösi Csoma-Archivum. I Kötet, I Szam, Budapest, 1921, стр. 35.

² W. Radloff. Uigurische Sprachdenkmäler. Л., 1927, примеч. С. Е. Малова, стр. 246—229.